

В.К. ЛУКАШЕВИЧ, Т.Е. НОВИЦКАЯ

**СТРУКТУРА И ДИНАМИКА
ИННОВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА**

Понятие «инновационное пространство» все более интенсивно используется в лексиконе исследователей инновационных процессов [1, 209—219; 2, 51—53; 3—5] и в официальных документах [6]. Однако в его содержании доминирует представленность одного из аспектов реальности, отражаемой данным понятием — масштаба (размеров, степени «грандиозности») инновационных преобразований: инновационное пространство в масштабе конкретного предприятия, отрасли, региона, страны. Это представление хорошо коррелирует со здравым смыслом и практической размерностью инновационных процессов (понятно, что успешные инновации в рамках отрасли предпочтительнее ситуации, которую может создать эффективное введение новшеств на отдельных предприятиях, пусть даже и ключевых в данной отрасли). Столь же естественным является вытекающее из этого представление о предпочтительном доминирующем направлении в динамике инновационного пространства в сторону увеличения его объема, а также о факторах данного процесса — целях и ресурсах (научно-технических, социальных, экономических, культурных, политических, правовых и др.), которые должны быть достаточными для роста масштабов инновационного пространства.

Отмеченный доминирующий аспект коррелирует с определенной частью проблемного поля, возникающего при изучении структуры и динамики инновационного пространства. В теоретическом плане — с изучением объектов, фиксирующих его плотность и конфигурацию; в практическом плане — с исследованием совокупности факторов, определяющих необходимую (наиболее подходящую) в первую очередь для национального государства конфигурацию инновационного пространства, с отслеживанием перспектив ее изменений с тем, чтобы избежать непредвиденных и нежелательных для национального сообщества и государства сценариев развития.

Целью данной работы является формирование представления о детерминантах структуры инновационного пространства в их системном взаи-

Владимир Константинович ЛУКАШЕВИЧ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Белорусского государственного экономического университета;

Татьяна Евгеньевна НОВИЦКАЯ, аспирантка Центра социально-философских и антропологических исследований Института философии Национальной академии наук Беларуси.

модействии и факторах его динамики. С ней связаны задачи по адаптации к исследованию динамики инновационного пространства современных теоретических представлений о сущности и структуре социального пространства, выявлению главных особенностей механизмов реализации ресурсов этого процесса в условиях интернационализации и глобализации социальных процессов, а также точек роста новой конфигурации и качества инновационного пространства Республики Беларусь.

На уровне эмпирического восприятия инновационное пространство представляется как сфера реальности, масштаб и другие параметры которой определяются наличием и степенью интенсивности протекающих в ней видимых процессов внедрения новшеств. Соответственно его структура должна представляться как совокупность отношений и связей между внедренными новшествами*, хотя чаще всего ее квалифицируют как множество разнокачественных нововведений, находящихся в определенных отношениях и связях (сравнительно легко наблюдаемых и контролируемых) [4]. Эти представления тесно связаны с характеристиками физического пространства, которые фундируют параметры инновационного пространства. Однако механизмы позитивной динамики инновационного пространства не столь наглядны. Для их изучения в проблемное поле анализа в идеале необходимо ввести все элементы и факторы социальной реальности, действие которых может так или иначе повлиять на данный процесс. Далек не каждый из них в настоящее время ассимилирован системой понятий, используемых для рефлексивного осмысления специфики инновационной деятельности и инновационного пространства в частности.

В сложившейся ситуации представляется рациональным движение в русле дедуктивного анализа, предусматривающего рассмотрение структуры и динамики инновационного пространства в широком контексте, задаваемом содержанием понятия «социальное пространство». В этой связи целесообразно остановиться на содержании основных философских концепций пространства как такового, а также на подходах к выявлению специфики социального пространства.

Физическое пространство стало предметом философской рефлексии еще в античной онтологии, в то время как история категории социального пространства начинается лишь в XIX в. в период становления социологии и связана с именами таких ученых, как Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, П. А. Сорокин и др. Тем не менее существует определенная связь между подходами к пониманию физического пространства (пространства тел, характеризующихся формой, протяженностью, конфигуративным расположением относительно друг друга) и концепциями социального пространства, в которых данное понятие используется с целью визуализации гетерогенных социальных отношений. В первую очередь необходимо отметить, что физическое пространство, с одной стороны, является почвой для существования социального пространства, а с другой — оно как среда обитания человека является проекцией социальных отношений. Кроме того, сформировавшиеся позже подходы к социальному пространству изначально содержат в себе положения философских концепций пространства в силу апплицирования некоторых свойств физического пространства на социально-пространственную организацию общества.

Известно, что основные подходы к природе пространственности как таковой представлены тремя философскими позициями: абсолютной (субстанциальной), эпистемологической и реляционной [7, 32].

*В основе такого представления лежит общепринятое понятие «структура», согласно которому это совокупность (определенное множество) устойчивых отношений и связей между элементами системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств при внешних и внутренних изменениях.

Истоки субстанциальной идеи пространства восходят к античному атомизму (Демокрит, Эпикур, Лукреций Кар); наиболее полное развитие она получила в работах И. Ньютона. Согласно данному подходу, пространство может быть охарактеризовано как неизменная форма (самостоятельная сущность, универсальное вместилище тел), не зависящая от параметров материальных (природных и социальных) образований, происходящих в них процессов и их взаимодействий. Данная интерпретация пространства постоянно подвергалась опровержению. Так, географический детерминизм, фетишизация и реификация, вытекающие из данного понимания пространства, в том числе и социального, стали объектами обобщенной критики в работах А. Лефевра [8, 27—29], П. Бурдьё [9, 33—52], Б. Верлена [7, 26—46]. Непригодность абсолютной идеи пространственности для построения репрезентативной модели современного социального пространства во многом связана с его неизбежной «контейнеризацией». Апплицирование данной идеи на социопропространственное устройство общества всегда чревато такими последствиями, как територизация и натурализация. Корреляция между теоретическими пространственными схемами и реальным социально-пространственным контекстом в данном случае может быть продемонстрирована на примере соответствия субстанциальной концепции модели национального государства. Однако статус и дальнейшая судьба именно данной формы социопропространственной организации становятся проблематичными в связи с нарастающими глобализационными процессами.

Эпистемологическая идея пространства представлена взглядами И. Канта. Ее суть состоит в понимании пространства как априорной формы чувственности, необходимой для упорядочения восприятий и придания им универсального объективного значения. Говоря о возможности применения данной идеи для построения модели социального пространства, следует указать на затруднение, возникающее в данной связи (эта трактовка ограничена рамками гносеологии) и подчеркнуть, что при анализе социопропространственной проблематики даже Г. Зиммель [10], придерживавшийся кантовского подхода, вынужден был разграничивать всеобщую форму пространственности и определенные пространства, населенные, востребованные и наполненные взаимодействием.

Наибольший интерес для нашего анализа представляет релятивистская идея пространства (впервые сформулированная Аристотелем и в дальнейшем развитая Г. В. Лейбницем), поскольку ее основные положения наиболее интенсивно выражены в современных социально-пространственных концепциях. По мнению Г. В. Лейбница, пространство не является онтологической сущностью вещей, а лишь итогом их корреляций: взаимоотношения порождают пространство. Монады, будучи элементами всех вещей, не располагаются в некоем предшествующем им вместилище, они сами образуют пространство как соотношение присущих им сил. Пространство есть «не что иное, как порядок существования вещей, рассматриваемых в их одновременности» [11, 473].

Связь с реляционной онтологией Г. В. Лейбница достаточно четко прослеживается в социальной топологии П. Бурдьё. В качестве базовых элементов его теоретической модели социального пространства выступают понятия силы, социального поля, капитала и габитуса. В интерпретации социального пространства П. Бурдьё можно выделить два основных аспекта:

1) один из них представляет собой конфигурацию социальных позиций: структурообразующим фактором являются социальные практики, посредством которых соотносятся социальные агенты. Последние в свою очередь могут быть охарактеризованы как носители габитуса (совокупности схем восприятия, установок, привычек, фундированных социальным статусом индивида), ориентированные на поддержание или изменение собственно-

го положения в контексте социального пространства; 2) принципиальной чертой социального пространства является силовая природа, что дает наиболее веское основание рассматривать социально-топологическую модель П. Бурдьё как прямую наследницу концепции Г. В. Лейбница. Согласно П. Бурдьё, социальные поля как субпространства, задающие структуру социального пространства в целом, выстраиваются на основе взаимодействия сил. Соотношения сил в свою очередь выражаются в виде распределения капиталов, которое формирует структуру социальных позиций. В итоге, под социальным пространством П. Бурдьё понимает «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях...» [9, 39].

Еще один вариант исследования социально-пространственной проблематики, базирующийся на положениях релятивистской онтологии Г. В. Лейбница, представлен акторно-сетевой теорией (Б. Латур, Дж. Ло). Ее специфической чертой является акцентированное обращение к вопросу о значении материальных объектов в конституировании социального пространства.

Джон Ло интерпретирует объекты пространства семиотически — как производные сети отношений. Он, как и П. Бурдьё, называет свой подход «социальной топологией» и вслед за топологами рассматривает объекты социального пространства с точки зрения непрерывности их формы. Его основная идея состоит в том, что «объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны» [12, 31], т.е. сущность объекта пространства остается неизменной до тех пор, пока он не утрачивает свою позицию в устойчивой сети отношений с иными объектами и сохраняет целостность функциональных связей собственных элементов. Важно, что Дж. Ло исследует множественные формы пространственности: пространство «сетей», «потоков», «регионов». При этом он рассматривает поведение объектов пространства в различных взаимоналагающихся размерностях, например, в сетевом пространстве отношений и в евклидовом пространстве. В итоге Дж. Ло приходит к выводу, что «объекты представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях» [12, 36]. Акцентируя внимание на производном характере пространственных объектов, он отмечает, что их конституирование имеет топологические следствия: создание объектов в одном пространстве влечет за собой изменения в другом пространстве, в процессе их производства пространства находятся в отношениях взаимных корреляций, производство пространств мультитопологично.

Релятивистские социально-топологические модели представляются наиболее продуктивными для анализа динамики современного социального пространства: во-первых, поскольку панперспективизм, характеризующий данные репрезентативные модели, позволяет рассматривать социальное пространство с мультитопологической точки зрения (рассмотрение социального пространства из одномерного становится «объемным», расширяются контексты включенности того или иного агента или объекта); во-вторых, обращение указанного подхода к анализу текущего типа пространственности (пространства потоков) как одного из социально-топологических измерений предполагает также учет временного фактора в ходе трансформаций социального пространства; в-третьих, в соответствии с релятивистскими концепциями социальное пространство является порядком и результатом социальных отношений, т.е. материализуется в наглядных формах, но не сводится исключительно к ним. Действительно, фи-

зическое пространство оказывается необходимой основой для выстраивания социального пространства, однако наиболее существенные детерминанты, задающие характер и направление его динамики, имеют социальную природу, что дает основание понимать под социальным пространством многомерную систему социальных отношений, включенных в территориальный контекст.

Иными словами, *социальное пространство* — это совокупность социальных отношений и связей, воспроизведенных на определенном множестве объектов в фиксированном территориальном масштабе. Изменения количества, качества, степени интенсивности и территориального масштаба социальных отношений, а также множества объектов, на которых они реализуются, обуславливают динамику социального пространства. Его динамика может быть детерминирована действием внешних природных и социальных сил, следствием спонтанных процессов в различных сферах жизнедеятельности общества. Вместе с тем это может быть результатом сознательных целенаправленных усилий определенных социальных групп и в этом случае отмеченные усилия правомерно квалифицировать как проявления инновационной деятельности, а их результат — как изменение инновационного пространства (создание его новой конфигурации). В итоге, реляционные представления о социальном (и инновационном соответственно) пространстве и факторах его динамики (к ним относятся сила, капитал, интеллект, социальное поле, схемы индивидуального восприятия, объекты социального пространства, сети социальных отношений, социальные действия) задают масштабное и достаточно целостное видение большого количества условий, определяющих не только специфику названных пространств, но и потенциал развития общества за счет инновационных преобразований.

В русле отмеченных методологических установок естественными являются представления о том, что *инновационное пространство* — это совокупность социальных отношений и связей, воспроизведенных на определенном множестве объектов, вовлеченных в инновационную деятельность. Соответственно *структура инновационного пространства* представляет собой определенную иерархию множества отношений и связей между нововведениями. Это отношения между отношениями внутри системы, среди которых можно выделить группы доминирующих, зависимых, производных и других отношений. Так, инновационное пространство Беларуси представляет собой совокупность отношений и связей между объектами производственной сферы, на которых осуществляются инновационные преобразования (некоторые из них создаются в ходе реализации Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь), и объектами сферы образования, управления, правового регулирования социального обеспечения, где также внедряются новшества. Его структура в настоящее время определяется исключительно рамками государственного регулирования инновационной деятельности, т.е. в ней отчетливо доминируют административные отношения, преобладают планово задаваемые параметры, технико-технологические преобразования, не сопровождаемые существенными нововведениями в механизмах управления и правового обеспечения.

Структурой инновационного пространства определяются его ключевые параметры. В их числе конфигурация и качество инновационного пространства. *Конфигурация инновационного пространства* — это его границы, в пределах которых осуществляются инновационные преобразования. Данные границы устанавливаются путем государственного регулирования масштабов инновационных преобразований, под действием конкуренции в научно-технической сфере и на рынке готовой продукции, а также в определенной мере благодаря действию социо-культурных факторов (ценност-

ных, правовых, образовательных и др.). В идеале степень влияния каждого из них, а также характер их системного направленного взаимодействия должна определять национальная инновационная политика. Это ключевая детерминанта структуры инновационного пространства и соответственно его конфигуратор, обязанный интегрировать действие различных факторов. В реальности могут иметь место разнообразные варианты: в Республике Беларусь функцию конфигуратора инновационного пространства выполняет государство, в странах с развитой рыночной экономикой оно осуществляет эту функцию на паритетных началах совместно с национальным и международным бизнесом, во многих развивающихся странах конфигурация инновационного пространства определяется действиями внешних агентов (иностранных фирм и межнациональных корпораций).

Качество инновационного пространства — это его целостная определенность, обусловленная спецификой охватываемых им объектов, содержанием, интенсивностью и иерархией их отношений и связей. Ключевое значение в данном аспекте имеют, во-первых, степень разнообразия представленных в инновационном пространстве объектов. В идеале в нем должны иметь место элементы всех сфер человеческой жизнедеятельности: производственной, политической, административной, правовой, финансовой, образовательной и др. Если выпадает хотя бы один блок элементов, качество инновационного пространства, выражающееся также и в степени его способности ассимилировать новые объекты, будет понижаться, и инновационные преобразования не принесут ожидаемой отдачи. Например, без развитого правового обеспечения они будут проводиться в основном на базе сложившихся административных структур, которые, как показывает практика, нередко оказывают ограничительное воздействие на эти процессы, прежде всего вследствие неучета и не поддержания позитивной мотивации их участников. Во-вторых, содержательное наполнение и интенсивность связей между объектами инновационного пространства. В идеале они должны ассимилировать все то в объектах, что может быть квалифицировано как неоспоримый ресурс инновационных преобразований, а их интенсивность должна быть достаточной для реализации этого ресурса. Применительно к ситуации в Республике Беларусь есть основания утверждать, что вопреки необходимости и ожиданиям в инновационной деятельности на производстве еще не в полной мере используется образовательный и профессиональный потенциал занятых, недостаточны усилия, предлагаемые для его роста.

В частности, согласно данным социологических опросов, проведенных в 2008—2009 гг. исследовательским коллективом в рамках Государственной комплексной программы научных исследований «Экономика и общество» (2006—2010 гг.) среди работников УП «Белкоммунмаш» и магистрантов заочного обучения БГЭУ, занятых на должностях руководителей предприятий и фирм, их главных специалистов, менеджеров, маркетологов и других, на вопрос «Готовы ли Вы поддержать инновационные преобразования, не гарантирующие немедленного экономического эффекта, но обеспечивающие его достижение в будущем?» около 40 % опрошенных отметили, что готовы, 39 % — скорее готовы (в сумме положительные ответы составили 79 %). Информация о мотивируемости данных позиций показывает, что на первом месте находится желание проявить себя (37 %), на втором — уровень профессиональной компетентности (33,8 %), на третьем — уровень образования (33,2 %), на четвертом — сложная работа предприятия (23,5 %) и на пятом — достигнутый уровень жизни (11,1 %). Это свидетельствует о том, что даже в случае неблагоприятной ситуации, складывающейся вследствие невозможности эффективно использовать весь комплекс ресурсов инновационной деятельности или низкого рейтинга их определенной части, профессиональный и образовательный потенциал работников останется в

числе наиболее надежных. Примечательно также, что 53,8 % респондентов, работников УП «Белкоммунмаш», в той или иной форме участвующих в инновационной деятельности, отметили необходимость постоянной учебы для достижения успеха в жизни (у прочих этот показатель также достаточно высокий — 41,2 %). Однако 12,9 % из них квалифицируют имеющиеся возможности для профессионального роста как недостаточные [13, 5—17].

Изменение качества инновационного пространства — это интегративное выражение потенциала развития конкретного сообщества; что-то напоминающее масштабный тектонический сдвиг, расширяющий горизонты его роста, в то время как отдельные инновационные проекты, скорее, ассоциируются с локальными строительными работами на конкретном объекте. Представление о качестве инновационного пространства задает ориентацию не только на анализ ресурсов инновационной деятельности, к числу которых относят социальный, культурный, экономический, политический, научно-технический, правовой и другие, но и (видимо, это главное) на исследование в системе отношений социального пространства специфики механизмов их реализации и обратного воздействия результатов инновационных преобразований на накопление ресурсов и совершенствование реализующих механизмов. Высокая социально-экономическая ценность этого направления работы подтверждается экспертными заключениями. По мнению авторов «Европейского информационного табло», хорошо отлаженная система инновационной деятельности даже в современных кризисных условиях остается ключевым элементом, обеспечивающим определенную устойчивость социума и перспективы роста. Об этом свидетельствует тот факт, что «фирмы, которые являются более инновационными, реже урезают инновационные расходы» [14, 22], а те из них, которые реализуют «более широкие инновационные стратегии, более устойчивы к экономическим спадам» [14, 23].

В настоящее время специфику механизмов реализации ресурсов инновационного развития и соответственно динамики инновационного пространства определяют направления, темпы и противоречия глобализационных процессов. В контексте данной работы ключевое значение имеет последняя характеристика, поскольку, во-первых, противоречия глобализационных процессов имплицитно содержат несбалансированность направлений и темпов названных процессов, во-вторых, имеет место непосредственно наблюдаемое противоречие между глобализацией и локализацией («территориальностью»), практическое разрешение которого определяет конфигурацию локальных инновационных и социальных пространств, а также структуру мирового социального и инновационного пространств. Главными движущими силами разрешения этого противоречия выступают капитал и интеллект, другие факторы (социальное поле, схемы индивидуального восприятия), поскольку именно их созидательный потенциал лежит в основе формирования доминирующих сетей социальных отношений и конфигурации инновационного пространства.

С отмеченным противоречием во многом связан характер обратного влияния новой конфигурации социального пространства на структуру и другие параметры инновационного пространства, на накопление инновационных ресурсов и модернизацию механизмов их реализации. Определяющие события в этом плане ожидаются по линии перераспределения значимости форм контроля над данными процессами и существенным расширением сети социальных отношений, связанных с инновационными преобразованиями. Видимо, во всех странах эта сеть имеет грандиозную перспективу развития, хотя стартовые ситуации существенно различаются. Так, в Республике Беларусь она формируется практически исключительно в контексте Государственных программ инновационного развития,

в то время как в других государствах успешно функционируют и развиваются негосударственные структуры, в том числе финансовые организации, получившие названия «бизнес-ангелы», которые выступают важным фактором интенсификации инновационной деятельности и соответственно динамики инновационного пространства за счет создания новой социальной сети.

Согласно информации Национального банка Республики Беларусь, а также по данным экспертного социологического опроса, проведенного в 2010 г. среди магистрантов БГЭУ и студентов заочного обучения факультета «Консалторгцентр», население страны располагало денежными средствами в объеме от 2 до 20 млрд дол. США, хранящимися на руках. Большинство из магистрантов работают на должностях руководителей, главных специалистов, менеджеров, маркетологов, юристов предприятий и фирм, имеют практический опыт и соответственно способны выступать в роли экспертов. По результатам опроса 12,6 % опрошенных считают, что вовлечение личных финансовых средств граждан нашей страны в инвестирование инновационных проектов было бы существенным подспорьем в расширении масштабов инновационных преобразований; примерно столько же (12,6 %) согласились с вариантом ответа «Скорее, это имело бы социально-психологическое значение, чем экономически значимый эффект»; 9,3 % отметили свое согласие с суждением «Вряд ли это будет иметь существенное практическое значение». По характеру ответов можно в определенной мере судить и о причинах сравнительно невысокого уровня готовности к такого рода поддержке инновационных преобразований: 27,4 % считают, что для этого пока не созданы соответствующие финансово-экономические структуры (объективная причина), 36,7 % высказали сомнение в том, что граждане согласятся вкладывать свои финансовые средства в инновационные проекты. Второй ответ, разумеется, не раскрывает причин, а указывает на необходимость работы по их выявлению.

Соответственно практически значимыми для осмысления динамики инновационного пространства в Республике Беларусь являются установки на изучение мотивации различных социальных групп населения (прежде всего занятых в хозяйственно-экономической сфере) к расширению инновационного пространства (одновременно и причин отсутствия такого рода мотивации), на поиск эффективных негосударственных форм поддержки инновационных преобразований, на анализ «конкурентных» стимулов к расширению инновационного пространства с тем, чтобы избежать выстраивания его конфигурации, непредвиденной и нежелательной для белорусского национального сообщества при общей ориентации на интернационализацию инновационной деятельности. Десятилетний мониторинг инновационных процессов в европейских странах в конечном счете показал, что «существует причинное взаимодействие между интернационализацией и инновациями, в котором инновации и интернационализация их элементов образуют доброкачественный круг, приводящий к кумулятивному процессу» [14, 34], т.е. накоплению эффективных нововведений.

Фактически общепринятым является положение о том, что одним из главных элементов становления и эффективного развития национальной инновационной системы являются технологии не ниже пятого уровня [4]. На наш взгляд, этот элемент в конечном счете определяет качество не только инновационного, но и социального пространства, поскольку его наличие и культивирование на отмеченном уровне предполагает развитую систему социальных отношений и высокую насыщенность социального пространства сложными объектами. В Республике Беларусь, обладающей третьим по величине на постсоветском пространстве научным потенциалом, имеются необходимые интеллектуальные и образовательные предпосылки для того, чтобы выдержать этот уровень. Для развития процесса динамики инновационного пространства в нужных направлениях они должны быть до-

полнены более многообразными отношениями собственности, в том числе по поводу результатов интеллектуального труда, серьезными приобретениями в сфере социальной психологии и психологии предпринимательства в контексте формирующейся национальной бизнес-культуры.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Ашмарин, И.И.* Человек в пространстве инноваций / И. И. Ашмарин // *Личность. Культура. Общество.* — 2008. — Т. 10, вып. 3/4 (42/43).
2. *Котько, С.П.* Об интеграции Беларуси в мировое инновационно-технологическое пространство / С.П. Котько // *Наука и инновации.* — 2004. — № 2.
3. *Щербин, В.К.* Пути и механизмы интеграции Республики Беларусь в мировое научное и инновационное пространство / В.К. Щербин // Государственная система учета НИР, ОКР, ОТР: новые возможности, методика, практика: материалы Междунар. науч.-метод. семинара [Электронный ресурс]. — 2005. — Режим доступа: http://belisa.org.by/ru/izd/other/Reg2005/r21_reg2005.html. — Дата доступа: 08.06.2010.
4. *Рябцева, Н.В.* Проблемы институционализации инновационной деятельности / Н.В. Рябцева, Е.А. Алсуфьева // *Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал [Электронный ресурс].* — 2008. — № 3(27). — Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=24242>. — Дата доступа: 08.06.2010.
5. *Чернов, С.А.* Инновационные сети / С.А. Чернов // *Институт исследований природы времени [Электронный ресурс].* — 2006. — Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/problema_vremeni/chernov_innovatsionnye.htm. — Дата доступа: 08.06.2010.
6. *Наука и инновации — приоритетные направления деятельности Содружества Независимых Государств // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс].* — 2010. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/main.aspx?uid=15056>. — Дата доступа: 08.06.2010.
7. *Верлен, Б.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Б. Верлен // *Социол. обозрение.* — 2001. — № 2. — Т. 1.
8. *Лефевр, А.* Производство пространства / А. Лефевр // *Социол. обозрение.* — 2002. — № 3. — Т. 2.
9. *Бурдье, П.* Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / П. Бурдье // *Социология политики.* — М., 1993.
10. *Simmel, G.* Soziologie. Untersuchungen uber die Formen der Vergesellschaftung / G. Simmel // *Sociology in Switzerland [Electronic resources].* — 2010. — Mode of access: http://www.socio.ch/sim/soziologie/soz_9.htm. — Date of access: 25.04.2010.
11. *Лейбниц, Г.В.* Переписка с А. Кларком / Г. В. Лейбниц // *Сочинения: в 4 т.* М., 1982. — Т. 1.
12. *Ло, Дж.* Объекты и пространства // *Социол. обозрение.* — 2006. — № 1. — Т. 5.
13. *Лукашевич, В.К.* Инновационные ориентации занятых в хозяйственно-экономической сфере Беларуси (на материалах социологических опросов) / В.К. Лукашевич, М.В. Зубко, И.Е. Киселев // *Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та.* — 2010. — № 1.
14. *European Innovation Scoreboard (EIS) 2009. Comparative analysis of innovation performance // PRO INNO Europe® [Electronic resource].* — Mode of access: <http://www.proinno-europe.eu/siles/default/files/page/10/03/1981-Dg%20ENTR—Reporty%20EIS.pdf>. — Date of access: 28.06.2010.

Е.Н. МЛЕЧКО

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ВУЗА

Система образования является одним из наиболее важных институтов социализации. Она играет роль культуuroобразующего центра, транслирует существующие нормы и ценности. В силу этого исследования в образо-

Елена Николаевна МЛЕЧКО, аспирантка кафедры философии и методологии университетского образования РИВШ.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□□□.